

303	0248-01	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 1 "Ева и Адам"
304	0248-02	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 2 "Всё мало мне"
305	0248-03	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 3 "Люди-пассажиры"
306	0248-04	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 4 "Всех убитых дети"

"Размышления на вокзале" (Коренбит – Семёнов)

Часть 3 "Люди-пассажиры"

1(58). На том берегу	– 2.15
2(59). Две бессонницы	– 1.23
3(60). Шатанья за полночь	– 1.28
4(61). Ты была и не была	– 2.20
5(62). Петербуржец	– 1.19
6(63). Прохожий	– 1.33
7(64). Петербуржец II	– 1.30
8(65). Город на рассвете	– 1.47
9(66). Петербуржец III	– 1.06
10(67). Пляшет ветер	– 0.55
11(68). Баллада тишины	– 1.29
12(69). Одиночество	– 1.31
13(70). Любительская фотография	– 0.58
14(71). Жить мне, а не ему	– 1.25
15(72). Логово	– 1.46
16(73). Большая тишина	– 1.16
17(74). Третья твердь	– 2.26
18(75). Полусонное	– 1.11
19(76). Только память	– 1.49
20(77). Люди-пассажиры	– 1.25
21(78). Туда душой лечу	– 1.30
22(79). Горькая рябина	– 1.45
23(80). Живём на колёсах	– 1.14
24(81). Большая дорога	– 1.17
25(82). Весёлый возница	– 1.21
26(83). Родине	– 1.02
27(84). Туман	– 1.46
28(85). Сын вернулся	– 2.02
29(86). Мне однажды приснилось	– 1.16

Общее время звучания – 44.05

Общее время звучания – 188.28

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 3 "Люди-пассажиры"

1. НА ТОМ БЕРЕГУ

Постой, не вчера ль это было?
 Не вспомнить без календаря.
 Я вышел, пространство знобило,
 свою безоглядность даря.

Наверно, весна или осень,
 по смутной судить красоте.
 И кажется, не было сосен,
 а если и были — не те.

И верилось, вовсе не трудно
вот так, хоть полсвета пешком.
И ветренность белого утра
служила зубным порошком.

Послушай, когда это стало?
Он все продолжается, путь, —
И ветер того же состава,
от счастья не передохнуть.

И осени мятная долька,
и тающий ломтик весны.
И только, быть может, и только —
желаннее запах сосны.

Еще я не смею привыкнуть
к покою на том берегу.
И только ручей перепрыгнуть
с тобой на руках не могу.

2. ДВЕ БЕССОННИЦЫ

У тебя холодеют руки.
Город спит. Только ночь да ветер.
И всего два окна на свете —
два, не знающих друг о друге.

Два летящих сквозь ночь смятенья,
две бессонницы. И в обоих —
по распластанной на обоях,
по одной одинокой тени.

В глубине одичалых комнат —
тут хозяйка, а там хозяин.
Вещи, вещи глядят в глаза им,
вещи, кои о стольком помнят!

И не охнуть, не шевельнуться —
все ловить отголоски улиц,
гулы лестниц: а вдруг вернулись
те, которые не вернуться?!.

А под уличною звездой
чье-то снова идет свиданье...
Нелюбившая, руку дай мне,
не расстраивайся, не стоит!

3. ШАТАНЬЯ ЗА ПОЛНОЧЬ

Заглядывать в чужие окна,
на фонари загадывать...
Шатанья за полночь — не догма,
но и кровать — не заповедь!
Броди до света, береги

забывшееся за день.
Две бедных тени (впереди
одна, другая — сзади!) —
под стать душе раздвоенной —
по городу с тобой.
Бездомное родство его
прописывает боль
то где-то посреди моста,
то на пустынной площади...
А в горле косточкой — звезда, —
ничем не прополощите!

4. ТЫ БЫЛА И НЕ БЫЛА

Я знаю: ты была и не была.
К ничем не замечательному дому
свела меня по городу пустому
наивничающая мгла.

Там было в ночь распахнуто окно,
и музыка, и отсвет на панели.
За занавеской двигались и пели,
и пили, может быть, вино.

Ты на какой-то выглянула миг —
и вновь многоэтажный давит камень.
Ты — с голыми прекрасными руками,
а я уж — поднял воротник.

Пусть дворники спросонья гонят прочь, -
куда пойдет пришедший ниоткуда?
Не от добра стою здесь, не от худа, -
меня и нет, есть только ночь.

Стою, неотличимый от угла,
живу, случайный, в вечной этой теме...
Танцующих в окне ломались тени,
и ты была — и не была.

5. ПЕТЕРБУРЖЕЦ

Воротник у человека
дыбом поднялся.
Сколько до дому — два века
или полчаса?

Ни врага тебе, ни друга, —
угол незнаком.
Стосезонная дерюга
шита сквозняком.

Только вьюги белый порох
вспыхнет на пути.
Есть сюжеты, от которых

некуда уйти.

Вечно длится узнавание
сердца своего.
Переулок без названья,
скользкое родство.

Оступившееся слово
липнет к чугуну.
Вдоль стены узкоголово
ть свою метну. —

Триумфальная крылатость
чудных лошадей.
Ледовитая разъятость
черных площадей...

6. ПРОХОЖИЙ

В темнобурых ржавых пятнах
душ охрипших лезвия.
Вся земля в путях обратных
и сама как не своя.

Полевые носит сумки,
мало ест и много пьет.
Но — как детские рисунки —
счастье в памяти встает.

Там все криво, все нелепо,
наугад и кое-как.
Там цветок почти в полнеба,
вместо солнца — красный флаг.

Там на тонких ножках мама,
в полтора окошка дом. —
Вспоминается упрямо,
запивается с трудом.

Счет теряет рваным тыщам,
плачет, встретив кореша.
И торчит за голенищем
хрипло ржавая душа.

7. ПЕТЕРБУРЖЕЦ – II

Проголосуй, отщелкни дверцу,
усядься, адрес пробаси.
Мерещится ли что-то сердцу
в ночных возможностях такси?

Автомобиль! Впрягайся в муку
и, взмылив честные бока,
мчи из конца в конец разлуку,

любовь — в тупик из тупика.

Повадка русская известна:
...гони, ямщик! лихач, лети!..
Любая выбоина — бездна,
дыханья не перевести.

Пусть даже бденье светофоров
не позволяет спутать век, —
в сто лошадиных сил твой норов,
душа, отчаян твой разбег!

Своим набитым глазомером
поймай *зеленую волну*
и на мост, таким манером,
и в небо, если не ко дну...

8. ГОРОД НА РАССВЕТЕ

Еще намокшие сады
в молчании высоком.
Еще трещат на все лады
будильники из окон.

Еще развозят теплый хлеб —
и хлебный запах следом.
И светофор еще нелеп
своим пристрастным светом.

Еще такая высота
в незамутненных лужах.
Еще такая чистота
на улицах и в душах.

И что-то родственное в том,
как спрашиваем спички
и как, в трамвае сидя, ждем
бегущих с электрички.

Кондукторша еще добра —
ведь надо всем добраться!
У всех в седьмом часу утра
и равенство, и братство.

Покачиваюсь в полусне,
молчат мои соседи.
И снится будущее мне —
как город на рассвете.

9. ПЕТЕРБУЖЕЦ – III

Морской конек, трезубец,
русалочки хвосты.
Пешком люблю, безумец,

ходить через мосты.

Настилы под ногою
гремучие гудят.
Перила под рукою
зыбучие зудят.

Через перила свешусь —
и вижу тень свою.
Ненастливую свежесть
вдыхать не устаю.

Полжизни отражая,
сплывает навсегда
тяжелая, чужая,
ужасная вода.

Все глубже — кадр за кадром —
засматриваю вниз.
С дистрофиком блокадным
давай перекивнись!

Аукнись пешеходу,
которому и впредь
в историю, как в воду
текучую, смотреть!

10. ПЛЯШЕТ ВЕТЕР

Пляшет ветер на площадях.
Полукругом сошлись дома —
на последнего из бродяг
любопытствуют задарма.

Грустно-весело: мы уже
никуда из своих квартир,
и, по правде, любой в душе
даже рыпаться прекратил.

Аж завидки берут, гляди:
пыль завихрилась впереди,
окна хлопают впопыхах,
а кусты — в чехарду в садах.

А уж наши-то шляпы — ой,
и смешно, и какой там смех! —
покатились по мостовой,
будто головы с плеч у всех.

Пляшет ветер, ни брат, ни сват,
семиюродное родство!
Листья, втоптаные в асфальт,
окровавленный след его.

11. БАЛЛАДА ТИШИНЫ

Быть может, смысла лишена
моя баллада эта.
Вернулся поздно. Тишина.
Не зажигаю света.

Источен шорохами дом,
ночных исполнен бредней.
Покряхтывает шкаф с трудом,
дряхлающий в передней.

И, продолжая за сверчка,
тщету традиций отчих,
вращаясь в ящичке, слегка
пощелкивает счетчик.

Грызут обои разных стен
один и тот же клейстер.
И половицы ноют с тем,
чтоб я стоял на месте.

С высот нисходит на басы
в трубе стесненный воздух.
В себе копаются часы,
не думая о звездах.

Диван, кораблик мой ночной,
шуршит плешивым плюшем...
... А вдруг кромешной тишиной
я сам врасплох подслушан?!

12. ОДИНОЧЕСТВО

Который день одна и та же
тоска на ужин!
Среди ночных многоэтажий —
ну кто мне нужен?
И кулаки мои оббиты
о дверь какую?
Четырехглазый от обиды,
сижусь, кукою.
На кухне затевают свару
от лютой скуки.
За стенкой мучает гитару
дочь потаскухи.
Девчонке, вроде, и немного,
всего пятнадцать,
но как такой вот длинноногой
не запятнаться?
Старухи шаркают за дверью.
Любая — сводня...
...Ах, почему я так не верю

тебе сегодня!
И не хочу твои печали
считать моими!
И не могу пожать плечами,
как в пантомиме!
И даже выругаться грубо
не удастся!
И сердце в тишине — как рыба
об лед все бьется!

13. ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ФОТОГРАФИЯ

С одиночеством в обнимку
я на камушке сижу.
Если верить фотоснимку,
я за облаком слежу.

Правда, облако не вышло,
может, облака и нет.
Не кукушка ли чуть слышно
мне желает много лет? —

Но не в фокусе и птица.
Просто, чувствую, сейчас
комаришка примостится
у меня промежду глаз.

Нет, конечно, эту малость
объектив не уловил!
Но — мгновение поймалось,
и любитель проявил:

легкий взгляд, что переходит
без причины в забытье,
и разлитое в природе
одиночество мое.

14. ЖИТЬ МНЕ, А НЕ ЕМУ

Устану я смотреть кино,
устану нехотя в окно,
а там черным-черно.
И так бездонны пустыри,
и так бездомны фонари,
хоть вовсе не смотри.

Но кто ж там смотрит из стекла?
Кому возвышенность чела
морщина рассекла?
С кем это я наедине?
Чье отражение в окне
завистливо ко мне? —

Когда в душе черным-черно,

мы ждем, не спим, мы заодно,
и все же все равно —
в любом окне, в любом доме,
в любом огне, в любом дыму —
жить мне, а не ему!

15. ЛОГОВО

А ведь нам, пожалуй, поздно
ждать погоды у моря.
Не спасись как миной постной,
так и чувством юмора.

Пусть тоска не до озноба,
но печаль привязчива.
Ах, сейчас бы ползахлеба
неба настоящего!

Как культурой нас ни пичкай,
рвемся прочь из города.
Ночь встает за электричкой,
звездами исколота.

Тишина на фоне шума
смутного, далекого
спит мохнато, нерушимо:
логово так логово!

16. БОЛЬШАЯ ТИШИНА

...Я плохо слышать стал, и мне
теперь дороже музыка, чем слово.
Я устаю от множества людского,
а с бойким собеседником вдвойне.

Он жаждет мне втемяшить что к чему,
возносит что-то и хулит кого-то,
и копится за скулами зевота,
и хочется остаться одному.

Но музыку я слышу, и она
течения души не нарушает —
не искушает и не утешает,
побыть самим собою разрешает...
Есть в музыке большая тишина...

17. ТРЕТЬЯ ТВЕРДЬ

Не верю, нет, не органист
меня во прах поверг.
Летели камни сверху вниз,
а души — снизу вверх.

Был каждый вновь из ничего
прекрасно сотворен.

О ты, слепое торжество
знамен, племен, времен!

Тщета интриг, тщета вериг,
тщета высоких слов...
Есть человека первый крик,
любви внезапный зов.

Есть добрый труд из года в год
и отдых в день седьмой.
И время течь не устает,
как небо над землей.

Какая разница — свеча
или миллионы свеч?
Какая разница — парча
или лохмотья с плеч?

Геройствуй, схимничай, греши, —
за жизнью только смерть.
Лишь в обнажениях души
сияет третья твердь.

Там, над обломками эпох,
с улыбкой на губах,
ведут беседу Бах и Бог,
седые — Бог и Бах.

18. ПОЛУСОННОЕ

Весь город с утра по службам,
А сколько нужно отваги —
постель променять на ветер,
особость — на толкотню!

И справа чуть свет, и слева
такие же бедолаги.
Клюем отсыревшим носом
в нахохленный воротник.

Идем — и никак не вспомнить,
с чего это нынче флаги?
Какого, к тому же, цвета —
не разбери-поймешь!

А небо в том переулке,
как лента серой бумаги,
пришпиленная зачем-то
кнопками фонарей.

19. ТОЛЬКО ПАМЯТЬ

Быть несчастным не умею,
слыть счастливым не хочу.

Буду слушать ахинею,
дам похлопать по плечу.
Только память, — перед нею
теплю тихую свечу.

Дни проходят без мгновений,
длятся месяцы без дней.
Чем живу неоткровенней,
тем слова мои бедней.
Только память, — на колени
встать не смею перед ней.

Не заплачется в кино мне,
не взгрустнется у Невы.
Все бездумней и бездомней
под знаменами молвы.
Только память... — но, увы,
ничего-то я не помню...

20. ЛЮДИ-ПАССАЖИРЫ

Повстречались на вокзале —
и, как водится, в буфет.
Мы друг другу не сказали,
сколько зим и сколько лет.
Все мы люди-пассажиры:
я — туда, а ты — сюда.
Будь здоров! Покуда живы,
повстречаемся всегда!

Наше девушкам спасибо
за бумажные цветы!
Все вокруг уже красиво,
мы прощаемся на «ты».
Все мы люди-пассажиры:
я — туда, а ты — сюда.
Будь здоров! Покуда живы,
повстречаемся всегда!

В гулких тамбурах до света
мы стоим, оторопев.
Вот и песня вроде спета,
остается лишь припев.
Все мы люди-пассажиры:
я — туда, а ты — сюда.
Будь здоров! Покуда живы,
повстречаемся — ... когда?

21. ТУДА ДУШОЙ ЛЕЧУ

Туда, туда... Опять в разгаре
зимы, в кромешном декабре,
от грязи питерской, от гари,
от диких споров на бульваре

и поцелуев во дворе, —

туда, по мановенью слова,
где ждут нескладного и злого
уют, прощение, добро,
где кот об ноги трется снова
и где, сощурившись хитро,

соломенный заслон от стужи
хозяин к раме прикрепит —
и сразу делается уже
наш мир; пускай себе снаружи
морозит и метель кипит, —

чуть смеркнется, за самоваром
кто с книжкой, кто с журналом старым
сойдемся мы в согласный круг
и дышит горьковатым жаром
янтарный чай, наш общий друг, —

туда душой лечу...

22. ГОРЬКАЯ РЯБИНА

«Что стоишь, качаясь,
горькая рябина?» —
два слепца, печалась,
тянут воедино.

А вагон-то вдовый,
женщины в вагоне.
Деньги наготове
потные в ладони.

Руки бесполезней,
памятливей лица. —
Кажется, не песня,
а разлука длится.

Ишь ведь как выводят —
тонко, со слезою!
По вагону бродит
солнышко косое.

«Как бы мне, рябине,
к дубу перебраться?..»
А что дуб срубили —
после будет знаясь...

23. ЖИВЁМ НА КОЛЁСАХ

Живем на колесах
и в комнатах едем.
Оставим свой посох

великим наследьем!

Разлука разлукой
и встреча как встреча.
Какой-нибудь угол —
мечта человечья.

Вторением гуда:
Откуда? — Оттуда... —
Страна кочевая
навылет продута —

безруким жаргоном,
безногим акцентом...
Бездомнейший гомон
аккомпанементом!

Вдовство и сиротство...
Родство и юродство...
Похлебки не стоит
твое первородство!

И как на салюте,
на гульбище века:
все люди и люди —
и нет человека...

24. БОЛЬШАЯ ДОРОГА

Вот Россия — лес да поле,
да церквушка без креста.
Сколько хочешь вольной воли,
а душа пустым-пуста.

По росистым луговинам
след безросный от колес.
И дымком несет овинным —
зарыдать, да нету слез!

Поведут куда-то ноги —
не заспорю, не сверну.
На большой твоей дороге
одиночества хлебну.

Рюкзачишка за плечами,
плащ линялый на руке.
Не мои односельчане,
не мои однополчане
пьют и воют вдалеке!

25. ВЕСЁЛЫЙ ВОЗНИЦА

И веселый же мне подвернулся возница, —
чуть присвистнул, впряжку телега пошла.

«Пропадай все четыре!..» Дребезжит колесница.
Сивка-бурка косится, закусив удила.

Подрядился за рупь — на шесть гривен утруски:
все бугры да овраги, особливо ж — мосты!
Но какой же (проклятая рытвина!) русский
(тпру!..) не любит (а чтоб тебя!) быстрой езды?

«Не бойсь! Только трактор по-ровному пашет...» —
и еще одна яма, и еще один мост.
Здравствуй, милая родина! Сивка задницей машет,
Бурка машет хвостом, отбиваясь от звезд.

26. РОДИНЕ

Иду, столбы считаю,
ни встречи, ни привала.
Взметни воронью стаю,
чтоб даль не пустовала.

Швырни проселок в ноги
от большака налево.
Да трактор у дороги
поставь ржаветь без гнева.

Да в час похмельной злобы
каблук в грязи оттисни. —
Как мало нужно, чтобы
своим прослыть в отчизне!

Как много нужно, дабы
мою судьбу сыновью
пронзило навсегда бы
той *странною любовью!*

27. ТУМАН

Только избы пройдешь, колодцы,
палисадники, тополя, —
за околицей разольется
вечереющая земля.

Развеликое водополье —
по долине туман полег.
Лишь затопленной колокольней
замаячит поодаль стог.

И ни давешной деревушки,
и ни дальнего деревца.
И с какой-то, бог весть, опушки
легкий благовест бубенца.

Слева кони иль справа кони?..
Счастье захолонью в груди,

что никто тебя не нагонит
и не встретится на пути.

28. СЫН ВЕРНУЛСЯ

Ветер вздрагивает в пуще,
вечер, спать да спать.
Ты на сон меня грядущий
поцелуешь, мать?

Пусть сегодня мне приснится
детство у горы.
Что могло перемениться
с золотой поры?

Я такой же, только волос
у меня темней.
Я такой же, только голос
у меня сильней.

Только я немножко выше
стал, чем в те года.
Только ты немножко ниже,
чем была тогда.

Все такая ж, только волос
у тебя седей.
Все такая ж, только голос
у тебя слабей.

И тебе пускай приснится
детство у горы.
Что могло перемениться
с золотой поры!

Ветер стих над синей пущей,
вечер, спать да спать...
Дай тебя на сон грядущий
поцелую, мать!

29. МНЕ ОДНАЖДЫ ПРИСНИЛОСЬ

Мне однажды приснилось:
я стал молодцом — хитрецом, гордецом, наглецом,
очень важным лицом, с очень важным лицом,
все трепещут — и дело с концом.

Вслед за этим приснилось: я стал циркачом
силачом, ловкачом, трепачом,
не грущу ни о чем и смеюсь ни о чем,
я и думать забыл, что почем.

А под утро приснилось: я стал муженьком
добряком, простаком, тюфяком,

я грешил табаком и дружил с кабаком,
а теперь лишь вздыхаю тайком.

Я проснулся, глаза кулаками протер,
и своею судьбою доволен с тех пор!